

①

$\frac{20}{32}$

Описание

ОСАДЫ

УКРѢПЛЕНІЯ АХТЫ,

ВЪ 1848 ГОДУ.

Санктпетербургъ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

ХРОНОЛОГ. КАТАЛОГЪ.

СИСТЕМАТИЧ. КАТАЛОГЪ.

№ 3341

Отд. — Разрядъ —

Шкафъ —

2 20
32

Еще въ концѣ прошедшаго года, при первомъ объявленіи въ газетѣ «Кавказъ» о происшествіяхъ въ Ахтахъ, сказано было, что собираются подробныя свѣдѣнія, которыя будутъ напечатаны отдѣльно, о всѣхъ обстоятельствахъ геройской защиты гарнизона Ахтынскаго укрѣпленія противъ огромныхъ скопищъ горцевъ, подъ предводительствомъ самого Шамиля. Но описаніе столь важнаго подвига слѣдовало составить по личнымъ показаніямъ свидѣтелей и участниковъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, и для этого потребовалось немало времени и труда. За издаваемымъ теперь описаніемъ послѣдуетъ, вскорѣ, собраніе литографированныхъ портретовъ нѣкоторыхъ изъ геройскихъ защитниковъ укрѣпленія «Ахты» и воинскихъ чиновъ изъ отряда Генераль-Адъютанта Князя Аргутинскаго-Долгорукаго, который, искуснымъ движеніемъ и штурмомъ крѣпкой непріятельской позиціи подъ Мискиджи, освободилъ Ахтынскій гарнизонъ отъ угрожавшей ему гибели.

Защита укрѣпленія «Ахты», увѣнчавшая новою славою Россійское оружіе, составляетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ блестящихъ подвиговъ въ военныхъ лѣтописяхъ. Подробности объ этомъ подвигѣ будутъ пріятны для всякаго Русскаго: онѣ покажутъ не только геройскій духъ, но свойства и военныя привычки какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ Кавказскаго Корпуса.

Для лучшаго объясненія столь достопамятнаго событія, не излишними будутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстности и причинахъ занятія Русскими Самурскаго Округа, въ которомъ главное селеніе — Ахты. Безпрестанныя безпокойства между жителями, по верхнему Самуру и происходящая отъ того опасность для Кубы, заставили Главноуправляващаго за Кавказомъ, Генерала Головина, принять мѣры къ совершенному покоренію окрестностей Рутула и Ахты и къ обезпеченію края надежнымъ укрѣпленіемъ. Съ этою цѣлью, Генераль Головинъ собралъ въ сл. Хазры, въ Маѣ мѣсяцѣ 1839 года, отрядъ изъ 11½ баталіоновъ при 22-хъ орудіяхъ и 1,000 чело- вѣкъ милиціи. Отрядъ выступилъ изъ Хазровъ подъ личнымъ начальствомъ Корпуснаго Командира, и, послѣ незначительной перестрѣлки, открылъ силы непріятельскія на уроч. Аджіахуръ, которое составляло ключъ позиціи. Не смотря на невыгодную для насъ мѣстность, непріятель былъ опрокинутъ шты-

ками егерей Тифлисскаго полка и бѣжалъ къ аулу Кара-Кюри, преслѣдуемый нашею кавалеріею. Больше непріятель нигдѣ не держался, и, уstraшенные первою неудачею, жители поспѣшили принести покорность. Приступлено было къ избранію мѣста для укрѣпленія, и въ 5-хъ верстахъ отъ аула «Ахты», на правомъ берегу Самура, близъ впаденія въ эту рѣку Ахты-Чая, заложено, 11-го Іюня 1839 года, укрѣпленіе, названное по имени аула — *Ахтынскимъ*.

Послѣ удачныхъ дѣйствій нашихъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ, въ 1848 году, и взятія Гергебиля, Шамиль, проницая, что послѣднія неудачи сильно поколебали его вліяніе, рѣшился сдѣлать вторженіе въ наши предѣлы. Избравъ Самурскій Округъ для своихъ дѣйствій, Шамиль рассчитывалъ на невозможность войскамъ Дагестанскимъ, послѣ утомительнаго похода, собраться въ скоромъ времени, и на вліяніе, которое внезапное его появленіе на Самурѣ произведетъ на мѣстныхъ жителей и на нагорные магалы Джаробѣлоканскаго Округа. Собравъ нѣсколько тысячъ горцевъ со всего Дагестана, Шамиль пошелъ по дорогѣ чрезъ Лучекъ и Рутулъ. Послѣ нѣкоторыхъ перестрѣлокъ, Начальникъ Самурскаго Округа, Полковникъ Ротъ, видя несообразность своихъ силъ съ непріятельскими, долженъ былъ отступить и сосредоточилъ силы свои около укрѣпленія «Ахты». Вечеромъ 5-го Сентября, Даніель-Бекъ, бывший Елисуейскій Султанъ, внезапно показался въ Шипазскомъ ущельи съ 4-мя

тысячами конницы, и, остановясь въ дер. Килла, разослалъ свои прокламаціи жителямъ всѣхъ деревень. Въ ту же ночь, три другія толпы, слѣдовавшія съ Даніелемъ, двинулись: одна—правымъ берегомъ Самура и явилась у деревни Амсаръ; другая—отъ Сс-редача, хребтомъ горъ, спустилась къ дер. Лучекъ, и третья — отъ Арцадага, заняла Искерское ущелье.

8-го Сентября, Полковникъ Ротъ, собравъ 300 человекъ конной и одну тысячу человекъ пѣшей милиціи, подкрѣпляемой ротою пѣхоты изъ Ахтынскаго гарнизона, предпринялъ рекогносцировку вверхъ по р. Самуру, и выгналъ непріятельскіе караулы изъ сел. Кахка и Хрюкъ; но къ вечеру того же числа, тѣснимый большими массами непріятеля, долженъ былъ отступить подъ стѣны укрѣпленія «Ахты». 9, 10 и 11-го Сентября, непріятель, расположившійся у сел. Хрюкъ, съ своими главными силами, занимался сборами милиціи отъ всѣхъ окрестныхъ деревень. 12-го числа, самъ Шамиль прибылъ въ Рутуль; всѣ его напбы получили приказаніе слѣдовать туда, къ тому же времени, и занять Ахты. 13-го Сентября, Хаджи-Мурадъ съ Аварскою конницею занялъ Куртинскую дорогу и расположился въ дер. Гра, а Даніель-Бекъ, двинувшись правымъ берегомъ Самура и переправясь чрезъ хребетъ горъ, спустился въ ущелье Ахты-Чая и занялъ Ахтынскія минеральныя воды, въ 5-ти верстахъ отъ сел. Ахты. Жители, уstraшен-

ные быстрыми движеніями непріятеля, немедленно сдались и Даніель-Бекъ занялъ аулъ своими горцами.

Полковникъ Ротъ, пославъ донесенія о положеніи, въ которомъ онъ находился, какъ Князю Аргутинскому, такъ и другимъ ближайшимъ военнымъ начальникамъ, дѣятельно занялся всѣми приготовленіями къ упорной защитѣ. Въ горахъ не всегда возможно, при устройствѣ укрѣпленія, сохранить всѣ правила, требуемыя наукою. Изрытая, скалистая мѣстность препятствуетъ устройству экспланады и часто самаго гласиса, такъ что непріятель, извилистыми и скрытыми путями, легко можетъ подходить къ укрѣпленію на самое близкое разстояніе и ружейнымъ огнемъ вредить гарнизону и артиллеристамъ на бастіонахъ. Съ другой стороны, необходимость строить укрѣпленія тамъ, гдѣ мѣстность болѣе ровна и по близости къ водѣ, имѣетъ неудобства открывать укрѣпленіе для огня орудій съ окрестныхъ высотъ. Впрочемъ, едва ли въ Дагестанѣ можно избрать позицію, которая не была бы подъ какими-нибудь высотами и не подвергалась бы этому неудобству. Крѣпость Ахты была вооружена на бастіонахъ 11-ю орудіями разныхъ калибровъ и 6-ю кегорновыми мортирками; провіанта, пороха и снарядовъ было достаточно для выдержанія продолжительной блокады; водою гарнизонъ снабжался изъ Ахты-Чая и изъ колодца внутри укрѣпленія. Гарнизонъ состоялъ изъ 2-хъ ротъ Линійнаго Грузискаго баталіона № 6-го.

12-го числа, въ укрѣпленіе прибыло 48 человекъ команды 1-го баталіона Мингрельскаго Егерскаго полка, слѣдовавшей, подъ начальствомъ Подпоручика Ищенко, на военно-ахтынскую дорогу. Команда эта помѣщена была въ мостовой башнѣ, съ цѣлью обстрѣливать мѣста, скрытыя отъ гарнизона, и не допускать непріятеля берегами Самура приближаться къ укрѣпленію. Прибытіе этого, хотя и слабаго подкрѣпленія, было счастливымъ событіемъ для гарнизона, ибо люди эти, принадлежавшіе къ одному изъ лучшихъ боевыхъ баталіоновъ на Кавказѣ, пришли сюда случайно и съ радостію узнали, что имъ предстоитъ новый подвигъ. Первый баталіонъ Мингрельскаго Егерскаго полка, подъ командою Подполковника Маниюкина, нынѣ Полковника и Командира Его Свѣтлости Князя Варшавскаго полка, участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Князя Аргутинскаго въ Дагестанѣ съ 1842 года, въ славной побѣдѣ надъ Шамилемъ у Кюлюли, и принималъ блистательное участіе во взятіи Салтовъ въ 1847 году и Гергебили въ 1848 году. Въ этой командѣ, всѣ люди были испытанной храбрости и 11 изъ нихъ украшены знакомъ Военнаго ордена.

Уже Мюриды подходили къ стѣнамъ и завязывали перестрѣлку, когда ночью прискакалъ нарочный отъ Командира 1-й бригады 21-й дивизіи, Генераль-Маіора Бриммера, съ извѣстіемъ о слѣдованіи 5-й Гренадерской роты Князя Варшавскаго полка, въ со-

ставъ 200 человекъ, подъ командою Капитана Тизенгаузена, выступившей въ ночь съ 12-го на 13-е число изъ уроч. Кусары, для усиленія Ахтынскаго гарнизона. На другой день, къ 10-ти часамъ утра, въ долину показались штыки нашихъ гренадеръ. На нихъ хлынули конныя толпы Мюридовъ, но не успѣли отрѣзать имъ дорогу, остановленные выстрѣлами съ двухъ батарей. Тѣмъ не менѣе, скрываемый садами непріятель завязалъ сильную перестрѣлку; но гренадеры стройно шли къ укрѣпленію съ пѣснями и барабаннымъ боемъ: двое рядовыхъ плясали въ присядку передъ пѣсенниками; громкое: ура! гарнизона, встрѣтило храбрыхъ гренадеръ, столь блистательно пришедшихъ къ нему на помощь. Такимъ образомъ, гарнизонъ получилъ, Промысломъ Всевышняго, для предстоящей рѣшительной обороны, 48 человекъ храбрыхъ ветерановъ Мингрельскаго полка и въ полномъ составѣ Гренадерскую роту полка Князя Варшавскаго. За тѣмъ, весь гарнизонъ состоялъ изъ 500 человекъ, при 18-ти штабъ и оберъ-офицерахъ.

Приготовляясь къ оборонѣ укрѣпленія, Полковникъ Ротъ, распредѣливъ обязанности гг. офицеровъ и всего гарнизона, приказалъ: во-первыхъ, на всѣхъ бастіонахъ, для прикрытія, сколько можно, людей отъ ружейнаго непріятельскаго огня, разставить кули съ мукою; во-вторыхъ, приступить къ приготовленію большаго количества ручныхъ гранатъ и другихъ снарядовъ; исправить платформы на бастіонахъ; выру-

бить садъ, находившійся передъ 2-мъ бастіономъ, и очистить колодезь, единственный въ укрѣпленіи.

На 15-е число ночью, Шамплъ прибылъ въ аулъ Ахты и рано утромъ двинулъ къ укрѣпленію всѣ свои силы.

Многочисленныя скопища пѣшихъ и конныхъ горцевъ съ бревнами и фашишникомъ приближались къ стѣнамъ, пользуясь всѣми выгодами мѣстоположеній. Крутизна праваго берега р. Ахты-Чай прикрывала ихъ отъ выстрѣловъ нашихъ батарей и доставляла имъ возможность, въ самое короткое время, устроить подвижной заваль, длиною до 15-ти сажень, противъ 1-го бастіона. Дѣятельно, неутомимо работали сотни рукъ. Напрасно осажденные старались ядрами разбить этотъ заваль: какъ ни наклоняли орудій, ядра могли сбивать только его верхушку, которую непріятель въ ту же минуту опять подкидывалъ фашишникомъ и бревнами. Покатая мѣстность до того благопріятствовала осаждающимъ, что заваль совершенно закрывалъ ихъ отъ выстрѣловъ.

Съ другой стороны укрѣпленія, противъ 4-го бастіона, Мюриды, въ то же самое время, воспользовались канавою, куда изъ крѣпостнаго рва проведена была труба для стока дождевой воды, и стали устраивать другой заваль; но здѣсь заваль ихъ былъ разбросанъ ядрами и Мюриды должны были оставить свое намѣреніе.

Въ этотъ день гарнизонъ потерялъ 20 челов. убитыми и 32 челов. были ранены, въ томъ числѣ, при первыхъ непріятельскихъ выстрѣлахъ, на стѣнахъ, тяжело былъ раненъ Полковникъ Ротъ: пуля на-вылетъ ранила его въ плечо, около шеи. Истекающаго кровью, на рукахъ, отнесли его домой, гдѣ встрѣтила его блѣдная, встревоженная дочь его, дѣвица лѣтъ 17-ти. Весь гарнизонъ терялъ въ Полковникѣ главнаго своего начальника и распорядителя защиты; каждая минута была дорога: необходимость требовала немедленно новаго распорядителя, и совѣтъ Гг. офицеровъ единодушно выбралъ Капитана Новоселова начальникомъ гарнизона. Новоселовъ былъ извѣстенъ храбростію и хладнокровіемъ; онъ произведенъ въ Капитаны въ 1847 году за отличіе и полученную имъ рану на Турчидагѣ, въ присутствіи Главнокомандующаго. Старше его въ гарнизонѣ были Маіоръ Старосилъ и Капитанъ Жоржъ,—оба офицеры заслуженные и въ-послѣдствіи въ этой осадѣ оба раненые; но они сами пожелали подчиниться Капитану Новоселову, который, по молодымъ лѣтамъ и крѣпкому сложенію, казался способнѣе перенести предстоящіе труды. Узнавъ объ этомъ, Полковникъ Ротъ велѣлъ позвать къ себѣ Новоселова и прибывшаго съ 5-ю Гренадерскою ротою Капитана Тизенгаузена. Когда они пришли, каждого изъ нихъ наклонилъ къ груди своей и слабымъ голосомъ сказалъ имъ на ухо: «клянитесь взорвать укрѣпленіе при послѣдней крайности.» Капитаны дали клятву, успокоили раненаго и вышли.

Не намъ судить о томъ, что въ это время должно было происходить въ душѣ раненаго Полковника! Ему, какъ старому воину, исполняющему свой долгъ, смерть была не страшна; но при немъ была нѣжно любимая дочь въ полномъ цвѣтѣ красоты и жизни—достойная лучшей участи. Говорятъ, что отецъ рѣшился умертвить ее самъ въ ту минуту, лишь только зпачки Мюрддовъ явятся внутри укрѣпленія. Бѣдная дѣвушка безъ ропота ждала своей участи, безпрестанно молилась и казалась спокойною, убѣжденная словами друга дома ихъ, почтеннаго Капитана Жоржа, что на душѣ отца ея не будетъ грѣха, если онъ собственноручно убьетъ ее, чтобы не выдать на поруганіе непріятелямъ.

Капитанъ Новоселовъ, своими благоразумными распоряженіями, вполне оправдалъ довѣріе своихъ товарищей. Передъ наступленіемъ вечера, приказалъ Подпоручику Ищенко, находившемуся съ командою Мингрельскаго Егерскаго полка, оставить занимаемую ими отдѣльную мостовую башню и перейти въ укрѣпленіе, что было исполнено безъ затрудненія, потому что Мюрдды еще не успѣли обложить всѣ стѣны и покинули заваль противъ 4-го бастіона, отбитые сильнымъ картечнымъ огнемъ. Это распоряженіе было слѣдствіемъ благоразумной предусмотрительности: Лезгинцы могли бы на другой же день прервать всякое сообщеніе башни съ укрѣпленіемъ. Тамъ храбрые егеря подвергнулись бы крайней опасности, то-

гда какъ въ крѣпости увеличили собою силы гарнизона. Подпоручикъ Ищенко, оставляя башню, заклепалъ орудіе, изломалъ лафетъ и благополучно, безъ потери людей, прибылъ въ укрѣпленіе. Лезгины не успѣли вытащить безлафетное орудіе и оно потомъ опять досталось въ наши руки.

Въ крѣпости, между тѣмъ, положено было съ этого дня, какъ можно бережливѣе пользоваться единственнымъ колодезѣмъ, въ которомъ оказывалось мало воды, и отпускать воду не иначе, какъ порціями, на каждого въ день по крышкѣ отъ солдатской манерки.

Распределеніе Гг. офицеровъ гарнизона по бастіонамъ было слѣдующее: на 1-мъ бастіонѣ находился Грузинскаго Линейнаго № 6-го баталіона Поручикъ Щекнинъ; на 2-мъ—того же баталіона Подпоручикъ Богуславскій и прибывшій въ Ахты за нѣсколько дней до осады, по дѣламъ службы, Казначей Грузинскаго Линейнаго № 10-го баталіона, Прапорщикъ Товбинъ; на 3-мъ—Князя Варшавскаго полка Подпоручикъ Архангельскій; на 4-мъ—того же полка Капитанъ Тизенгаузенъ, распорядившійся цѣлымъ часомъ, и Мингрельскаго Егерскаго полка Подпоручикъ Ищенко; на 5-мъ—Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка Прапорщикъ Беннетъ. Письмоводитель Ахтынскаго Почтоваго отдѣленія, Губернскій Секретарь Головачевскій, по собственному желанію, состоялъ при Подпоручикѣ Архангельскомъ, на 3-мъ

бастіонъ, гдѣ и оставался во все время блокады.

Въ это время горцы рубили сады и таскали бревна къ 1-му бастіону. Наставшая ночь не прекратила дѣятельности непріятеля; съ крѣпостныхъ стѣнъ, во мракъ окрестностей, различали сильное движеніе; вѣтеръ доносилъ стукъ топоровъ, бряцаніе бубенчиковъ, говоръ, брань и крики погонщиковъ, понукавшихъ ословъ, нагруженныхъ фашиникомъ и хворостомъ. Только что зашлась заря, началась немолкаемая пальба; но, не смотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, непріятель продолжалъ работу съ неизмѣнною дѣятельностію. На 1-й батарее раненъ Капитанъ Жоржъ; заваль противъ 4-го бастіона, наканунѣ покинутый, вновь устроенъ и два ротныхъ дворика передъ 5-мъ фронтомъ заняты Мюридами. Мингрельцы, выведенные съ вечера изъ башни, не могли уже мѣшать непріятелю свободно распространять свои дѣйствія; уже нѣкому было обстрѣливать мѣста, скрытыя отъ осажденныхъ береговыми уступами Самура.

Отъ непрерывной перестрѣлки, кромѣ раненыхъ, гарнизонъ потерялъ, изъ числа шекшихъ чиновъ, 29 челов. убитыми. Въ этотъ день ему суждено было испытать одинъ изъ тѣхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, противъ которыхъ можетъ устоять только геройское хладнокровіе и отчаянная храбрость. Къ 3-мъ часамъ

по-полудни, изъ аула непріятель подвезъ кегорновую мортиру, поставилъ ее на высококомъ холмѣ по ту сторону Самура и сталъ бросать гранаты. Одна изъ нихъ, пробивъ верхъ пороховаго погреба, устроеннаго въ 5-мъ бастіонѣ, упала въ открытый боченокъ съ порохомъ и лопнула. Дрогнула земля и потемнѣло небо; посыпался градъ камней и площадка крѣпости, въ одно мгновеніе, покрылась обломками и растерзанными членами погибшихъ!

Около 400 пудовъ пороху взлетѣло на воздухъ; 5-й бастіонъ уничтоженъ до основанія; въ стѣнѣ образовалась брешь; двѣ смежныя съ нею казармы разрушены; два артиллерійскихъ цейхгауза завалены. Въ остальныхъ зданіяхъ треснули стѣны, потолки пробиты камнями, всѣ двери, всѣ переплеты оконныхъ рамъ вырваны. Не одно мужественное сердце дрогнуло; многіе перекрестились, приготовились къ смерти. Но еще не разсѣялся дымъ, еще въ горахъ не замолкъ страшный гулъ, какъ уже солдаты, воодушевленные достойными своими офицерами, хоромъ заплѣли пѣсно: «за Царя и Русь Святую», и пошли защищать брешь, заслыша гикъ несущихся Мюридовъ, которые въ эту минуту надѣялись ворваться въ укрѣпленіе. Только на 1-мъ бастіонѣ солдаты пришли было въ замѣшательство; но, ободренные Капитаномъ Жоржемъ, опять заняли свои мѣста. Непріятель, встрѣченный сильнымъ отпоромъ и картечнымъ огнемъ съ 1-го и 4-го бастіоновъ, не успѣлъ воспользоваться

несчастливымъ взрывомъ пороховаго погреба. Пока продолжался рукопашный бой, гарнизонъ завалилъ брешь и изъ кулей соорудилъ новую батарею. Чрезъ два часа послѣ этого, другая граната лопнула въ зарядномъ ящикѣ на 3-й батарее и произвела новый взрывъ. Эти два случая, одинъ вслѣдъ за другимъ, оставили по себѣ ужасные слѣды разрушенія въ зданіяхъ и значительную потерю въ людяхъ. Первымъ взрывомъ убитъ Липтѣйнаго № 6-го баталіона Штабсъ-Капитанъ Байдаковъ, а Поручикъ Чуприковъ и Подпоручикъ Богуславскій сильно ушибены осколками. При второмъ взрывѣ, ранены: Маіоръ Старосилъ и Прaporщикъ Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка Семеновъ. Какъ отъ обрушившихся стросній осталось много матеріаловъ, камней, бревенъ и досокъ, то изъ нихъ тотчасъ же были возвышены стѣны на бастіонахъ, а на куртлинахъ, изъ всего, что попало, какъ-то: столовъ, ящиковъ и другихъ обломковъ мебели, кулей съ мукою, досокъ и камней, устроены парапеты.

Между тѣмъ, да позволено будетъ упомянуть о нѣкоторыхъ сценахъ, происходившихъ въ самой крѣпости:

Въ углу казармы 4-й Липтѣйной роты стоялъ большой складной образъ Николая Чудотворца и Георгія Побѣдоносца: неповрежденный отъ взрыва, онъ оставался на своемъ мѣстѣ; къ нему приходили мо-

лись офицеры и солдаты; толпились жены и дѣти различныхъ состояній и возрастовъ.

Жена Капитана Жоржа была сильно ушибена обрушившимся отъ взрыва потолкомъ и за-мертво отнесена въ казармы. Когда она очнулась, первый вопросъ ея былъ: живъ ли мужъ ея? Въ это время, мужа привели тяжело раненаго; она заплакала, однако собралась съ силами и сама перевязала ему рану.

Передаемъ почти слово въ слово рассказъ одного очевидца. На скамьѣ въ казармѣ сидѣлъ раненый; передъ нимъ стояла молодая дѣвушка и перевязывала ему рану; она спрашивала: можетъ ли еще держаться укрѣпленіе?—Ей отвѣчали, что надо быть на все готовымъ, и что въ крайности должно умереть. По нѣкоторомъ молчаніи, она опять спросила: «будемъ ли вмѣстѣ?» — Если вѣруемъ, будемъ вмѣстѣ — былъ отвѣтъ. Послѣ перевязки, раненаго вывели изъ казармы; дѣвушка стала молиться; ея подруга ставила между тѣмъ свѣчи передъ образомъ и сказала ей: «молись, чтобы мы живы были.» — Я молюсь, чтобы мы не пережили отца — отвѣчала она.

Тутъ же усердно клала поклоны одна старушка Т., сестра офицера Гарнизонной Артиллеріи; но за ней пришелъ братъ и позвалъ ее въ одну изъ уцѣлѣвшихъ казармъ работать; самъ же онъ нуженъ

былъ при орудіяхъ. Она все время была за работой, сама приготовляла снаряды, даже ночью, и, уча другихъ, говорила имъ: «это, батюшки, мнѣ дѣлѣто знакомое: я, вѣдь, ужъ давно служу въ Артиллеріи.»

Конечно, не всѣ женщины, находившіяся въ укрѣпленіи, постоянно оказывали твердость духа. Были и такія, которыя падали въ обморокъ и, признаться, было отъ чего!..... Вообразите непрерывную пальбу, отъ которой дрожитъ земля и колеблются стѣны зданій, свистъ пуль и трескъ гранатъ, которыя лопаются передъ казармами и на площадкѣ крѣпости. Рассказываютъ, что какой-то деньщикъ несъ мѣдный чайникъ въ кухню и залилъ одну гранату водою, прежде чѣмъ гранатная трубка успѣла догорѣть. — Вообразите, кромѣ того, неистовые, дикіе крики многочисленныхъ непріятелей, стоны раненыхъ и всю площадь въ крови, покрытую обезображенными трупами, которыхъ хоронить было не гдѣ, да и нѣкогда.

«Братцы! теперь не до водки!» сказалъ Князя Варшавскаго полка рядовой Тихановъ, камнемъ выбивъ дно огромной бочки, покинутой маркитантомъ, устроившимъ палатку на площадкѣ укрѣпленія. Маркитантъ спрятался въ это время въ провіантскомъ магазинѣ; къ его бочкѣ собрались было охотники и уже дѣло доходило до дѣлежа.

Послѣ взрыва, положеніе укрѣпленія стало почти отчаянное, а между тѣмъ совершенно прекратилось вышнее сообщеніе. Казалось, уже не было возможности послать увѣдомленіе Командующему войсками; но, слава Богу, нашлись люди, рѣшившіеся принести себя въ жертву для спасенія своихъ товарищей. Помощникъ Начальника Самурскаго округа, Штабсъ-Капитанъ Бучкѣвъ, вызвался на этотъ отчаянный подвигъ. Агаса-Бекъ, Прапорщикъ Аза-Мулла-Ширифъ-Оглы, три пукера и одинъ казакъ № 22-го полка Ивана Солонина, изъявили готовность раздѣлить съ Штабсъ-Капитаномъ Бучкѣвымъ предстоящія ему опасности. Ночью, переодѣтые, вышли они изъ укрѣпленія, напутствуемые благословеніемъ тѣхъ, которые знали объ ихъ предпріятіи.

Слѣдующій день (17-го Сентября) прошелъ въ жаркой перестрѣлкѣ. Непріятель продолжалъ свои работы, и, подвигая заваль свой противъ 4-го бастіона, возвысилъ его на такую высоту, что уже могъ свободно обзрѣвать всю внутренность укрѣпленія. Между тѣмъ, Мюриды повели другой заваль, противъ исходящаго угла 1-го бастіона и уже приближались къ гребню гласиса. Сколько нужно было усилій, чтобы остановить непріятеля! Солдаты на рукахъ своихъ зажигали гранаты и съ-размаху перебрасывали ихъ за ровъ; гранаты скатывались и лопались передъ завалами, за которыми скрывался непріятель. Къ вечеру того же дня, Прапорщикъ

Шпиттера меткимъ выстрѣломъ подбилъ непріятельскую мортиру, и съ тѣхъ поръ уже ни одной непріятельской гранаты не перелетѣло въ укрѣпленіе.

Не станемъ описывать, какъ прошла слѣдующая ночь. Если кого-нибудь и могла наконецъ одолѣть дремота, то какіе сны должны были сниться тѣмъ, для которыхъ дѣйствительность была страшнѣе всѣхъ картинъ самаго мрачнаго и разстроенаго воображенія!

18-го Сентября, до полудня, траншейныя работы постоянно занимали непріятеля. Ожесточенные горцы, казалось, не обращали вниманія на безпрестанный огонь нашихъ орудій; они не только подвели завалы къ гласису противъ лѣваго фаса 1-го бастіона, но уже стали заваливать ровъ фашишникомъ и бревнами. Съ 1-го бастіона бросали брандскугели; фашишникъ вспыхнулъ и пламя охватило всю траншею.

Сквозь пороховой дымъ, густыми облаками нависшій въ воздухѣ, за ауломъ, на скатѣ одного кургана, вдали отъ нашихъ выстрѣловъ, блѣдный солнечный лучъ освѣщаль, въ это время, небольшую группу. Тамъ на коврѣ, подъ бѣлымъ намѣтомъ, въ зеленой чашѣ, сидѣлъ Шамиль, окруженный своими тѣлохранителями; оттуда хладнокровно раздавалъ онъ свои повелѣнія. Неподвижно было лицо его и злая досада на продолжительность блокады

могла только выказаться въ трехъ словахъ: «возьму, и никому пощады!» Шамплъ очень хорошо понималъ, что значить медлить.

Но вдругъ, когда наступилъ полдень, въ толпахъ непріятеля, занимавшихъ окрестныя высоты, стало замѣтно какое-то особенное волненіе. Одна часть его отступила къ аулу, другая разсыпалась по долинамъ. Изъ-за Самура, въ горахъ послышался звукъ рожка; мелькнули штыки, грянули выстрѣлы и семь конгревовыхъ ракетъ упало въ толпы непріятеля. Уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Князь Аргутинскій съ Дагестанскимъ отрядомъ пришелъ на выручку, и радость солдатъ, радость всѣхъ, кто только въ это время былъ въ укрѣпленіи, можно сравнить только съ радостію моряковъ, когда они, послѣ долгой, мучительной бури, на кораблѣ, уже безъ руля и снастей, завидятъ безопасную пристань.

Князь Аргутинскій едва спустился на половину горы съ своими передовыми войсками, какъ уже Мюриды, работавшіе передъ 4-мъ и 5-мъ бастіонами, отодвинулись назадъ, а гарнизонъ сдѣлалъ отчаянную вылазку. Горсть храбрецовъ, въ числѣ 40-ка человекъ, подъ предводительствомъ Капитана Тизенгаузена, бросилась преслѣдовать отступившаго непріятеля и на возвратномъ пути зажгла завалы и уничтожила траншейныя работы передъ 4-мъ бастіономъ. Легко сказать: *на возвратномъ пути*, а каково было

на самомъ дѣлѣ отступать, не переставая отбиваться, или, лучше сказать, на плечахъ своихъ вынося всю тяжесть многочисленности непріятелей! По предварительному условію съ Капитаномъ Тизенгаузенемъ, когда на стѣнахъ укрѣпленія появился платокъ, привязанный къ штыку, всѣ сорокъ человекъ мгновенно ложились на землю, и въ это время, съ батарей, черезъ нихъ летѣлъ градъ опустошительной картечи. За Самуромъ, въ отрядѣ Князя Аргутинскаго-Долгорукаго, кричали въ это время: ура! и рукоплескали отступающимъ.

Но осажденнымъ суждено было не долго предаваться радости. Провидѣнію угодно было еще нѣсколько дней испытать ихъ мужество. Отрядъ Аргутинскаго сталъ обратно подниматься на гору; поднялся, и къ вечеру совершенно скрылся изъ виду. Непріятель быстро занялъ прежнія мѣста свои. Въ ближайшихъ толпахъ его слышались громкіе насмѣшливые голоса Мюридовъ: «а! ямагъ Урусъ! ушелъ якиш! . . . . не прійдетъ теперь!»—За Самуромъ слышна была перестрѣлка; нѣкоторые изъ офицеровъ гарнизона вообразили, что отрядъ Аргутинскаго окруженъ и вынужденъ къ отступленію. Мысль убійственная! Стали толковать, что дѣлать и на кого надѣяться! Смуглыя лица храбрыхъ защитниковъ, по неволѣ, стали пасмурны; даже Казначей Грузинскаго баталіона, Прапорщикъ Товбичъ, пересталъ шутить и смѣшнить товарищей, тогда какъ нѣсколько часовъ

тому назадъ, усмотрѣвши въ зрительную трубу мелькающіе на горахъ штыки отряда, кричалъ: «милліонъ, цѣлый милліонъ идетъ на выручку!» Но если недолго продолжалась радость, то недолго продолжалось и уныніе. Каждый рѣшилъ, въ душѣ своей, защищаться до послѣдней капли крови. Рядовой Тихоновъ, тотъ самый, который выбилъ дно у бочки съ водкой, вынулъ изъ кармана какой-то старыи, истертый молитвенникъ, сталъ на площадкѣ громогласно читать молитвы, проповѣдывать гарнизону долгъ каждому православнаго воина, мученическій вѣнецъ за гробомъ и т. п. Офицеры также съ своей стороны возстановили въ нижнихъ чинахъ прежнюю бодрость. Никто изъ нихъ не покидалъ своего поста, изрѣдка только навѣщая раненыхъ своихъ товарищей. Маіоръ Старосиль лежалъ въ это время въ госпиталѣ; на него страшно было смотрѣть! Лицо его распухло, глаза отекли, онъ былъ безъ памяти, и въ жару безпрестанно кричалъ: «впередъ ребята! не сдавайтесь! умремъ, а не выдадимъ!»

Здѣсь, между прочимъ, расскажемъ чужими словами довольно забавный случай; расскажемъ потому, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ характеризуетъ Русскаго солдата.

Вечеромъ, появилась на завалѣ большая бѣлая чалма, и сколько въ нее ни стрѣляли, чалма не скрывалась ни отъ ружейнаго огня, ни отъ картечи; на-

противъ того, Мюридъ съ большою чалмою выползъ на самый гребень. Тутъ на него посыпались пули и картечи; но чалма осталась на своемъ мѣстѣ и еще бѣлѣлась на завалѣ, какъ наступила ночь. Уже молодые солдаты узнавали въ Мюридѣ колдуна, который заговариваетъ наше оружіе, и всѣ увѣренія офицера не могли ихъ убѣдить, что мнимый колдунъ лежитъ убитый и что чалма его вредить не можетъ. Между тѣмъ, приказано было, для успѣшнѣйшаго дѣйствія противъ завала, привезти съ другаго бастіона орудіе большаго калибра, и первый выстрѣлъ изъ него ядромъ пробилъ гребень. Толпа изъ завала выбѣжала и чалма покатила въ ровъ. Тутъ обнаружилась общая радость солдатъ; многіе закричали: ура!; капониръ обнялъ свою пушку и назвалъ ее своею матерью, а одинъ молодой солдатъ въ радости сказалъ офицеру: «Ваше Благородіе, знать противъ этой пушки нѣтъ заговора.»

19-е Сентября прошло, по прежнему, въ жаркой перестрѣлкѣ.—Непріятель приготавлился къ приступу, строилъ новые завалы, вмѣсто уничтоженныхъ, и забрасывалъ рвы. Солдаты кидали ручныя гранаты, обливали саломъ и варомъ рогожки и, запали ихъ, сбрасывали въ ровъ, чтобъ зажечь сырой фашишникъ. Казалось, многочисленность непріятеля должна была восторжествовать; но духъ гарнизона мужалъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и въ нѣкоторыхъ доходилъ наконецъ до какого-то восторжен-

наго состоянія. Раненные порывались вонъ изъ лазарета; ихъ невозможно было удержать. Такъ, Капитанъ Джоржъ, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ и сильныя раны, въ перевязкахъ снова явился на стѣнахъ командовать солдатами. Ахтынской Артиллерійской команды канониръ Александръ Даниловъ два раза былъ раненъ пулями и всякій разъ, послѣ перевязки, явился на батарею; онъ не владѣлъ уже правою рукою, какъ наконецъ третья пуля перебила ему лѣвую руку. Когда его отвели въ лазаретъ и сдѣлали перевязку, онъ спросилъ: «а что, теперь могу идти?» Ему отвѣчали: лучше останься, нечего тому дѣлать при орудіи, у кого обѣ руки прѣстрѣлены и голова ранена. — «Нельзя» рѣшительно сказалъ Даниловъ, «я еще буду наводить свою пушку!» сказалъ, и отправился на бастіонъ. Тамъ четвертая пуля ударила его въ грудь и храбрый канониръ мертвый упалъ на свое орудіе.

20-го Сентября, едва засвѣтилось утро, какъ уже изъ крѣпости ясно увидѣли, что непріятель готовится къ рѣшительному приступу. Толпы Мюридовъ стали собираться густыми массами въ разныхъ мѣстахъ, скрытыхъ отъ укрѣпленія, между тѣмъ — другія толпы съ лѣстницами въ рукахъ шли изъ аула садами и пашнями. Гарнизонъ слѣдилъ за ихъ движеніемъ и приготавлился къ отпору. Уже сдѣлано было распоряженіе—все взорвать на воздухъ, если Мюриды овладѣютъ укрѣпленіемъ.

Въ одиннадцатомъ часу утра, непріятель зажегъ скрытую за валомъ мину и совершенно неожиданно взорвалъ нисходящій уголъ 1-го бастіона. Этотъ взрывъ былъ сигналомъ къ штурму. Раздались крики: *«Гялла иль Алла»*, и густыя массы Мюридовъ, съ обнаженными шапками и кинжалами, съ трехъ сторонъ кинулись на штурмъ, мигомъ утвердили лѣстницы, поднялись на стѣны и овладѣли 1-ю, 4-ю и 5-ю батареями; ихъ значки уже развѣвались въ крѣпости. Спасеніе гарнизона зависѣло отъ одной минуты. Солдаты на развалинахъ 1-го бастіона, не выдержавъ перваго натиска, отступили было въ ретраншаменты; но лишь только перевели духъ, увлекаемые офицерами, дружно бросились въ штыки, и въ-мигъ прогнали непріятеля. Въ то же время, на прочихъ батареяхъ завязался страшный рукопашный бой и Мюриды были отбиты. Не смотря на это, казалось, горцы задавятъ гарнизонъ своею многочисленностію; со всѣхъ сторонъ они лѣзли по лѣстницамъ, три раза появлялись на стѣнахъ и три раза, сброшенные штыками, летѣли внизъ, вмѣстѣ съ опрокинутыми лѣстницами и заваливали ровъ своими трупами.

Кто въ это время не былъ тамъ, тому трудно представить себѣ картину столь отчаянной битвы на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Съ фасовъ гремѣли пушечные выстрѣлы, гранаты падали въ ровъ, дымились и съ трескомъ лопались въ тѣснотѣ, подъ ногами нахлынувшихъ непріятелей. Это были уже не

тѣ ручныя гранаты, о которыхъ было говорено прежде; въ этотъ день солдаты тѣшились полупудовыми гранатами, приходя въ восторгъ отъ ихъ опустошительнаго дѣйствія. Градъ камней осыпалъ стѣны; непріятель дѣйствовалъ открыто и уже не скрывался за своими завалами.

Но чтобы показать, до какой степени, на стѣнахъ и за стѣнами, Русскій и Лезгинъ смѣшались въ рукопашной свалкѣ, приведемъ нѣсколько примѣровъ, къ счастію не забытыхъ и записанныхъ участниками въ этихъ подвигахъ.

Рядовой Янъ Свидерскій, взрывомъ 1-го бастіона переброшенный за стѣну, былъ смятъ подъ ногами Лезгинъ, кинувшихся на приступъ; но когда на бастіонѣ ихъ приняли въ штыки, Свидерскій явился въ пылу рукопашнаго боя съ лезгинскою шапкой на головѣ, обезображенный, окровавленный и съ огромнымъ кинжаломъ въ рукахъ. Не узнавши въ немъ своего товарища, другой солдатъ устремился на него и уже готовъ былъ его заколотъ. «Развѣ не видишь», закричалъ Свидерскій, сбросивши шапку, «еще мало тебѣ Татаръ!» — Экой проказникъ — пробормоталъ солдатъ и оборотилъ свой штыкъ на непріятеля.

Когда первый приступъ Мюридовъ былъ отраженъ гарнизономъ, ровъ усѣянъ трупами, а одинъ изъ главныхъ предводителей, Аварскій Наибъ Османъ

и его знаменосецъ лежали убитые на 5-мъ бастіонѣ; когда большое малиновое знамя Аварцевъ, въ рукахъ другаго знаменища, опять поднялось, и ожесточенная толпа, снова устремившись на бастіонъ, смѣшалась въ рукопашномъ бою съ егерями Мингрельскаго полка, — на стѣнѣ два противника нашихъ мѣсто для единоборства: рядовой Князя Варшавскаго полка Зайцовъ схватился съ Мюридомъ. Въ борьбѣ оба рухнули на землю и Мюридъ укусылъ солдата за щеку. Между тѣмъ гарнизонъ вторично одержалъ верхъ надъ свирѣною толпою и уже другой знаменищикъ палъ на 5-мъ бастіонѣ; знамя свалилось въ ровъ и егеря, впереди которыхъ былъ фельдфебель Михальченко, съ бантомъ на Георгіевскомъ крестѣ, очистили бастіонъ. Офицеръ, отдавая достойную похвалу егерямъ, сказалъ: «братцы, теперь Мюриды васъ долго не забудутъ.» — «Да, Ваше Благородіе,» — отвѣчалъ фельдфебель, улыбаясь и указывая на солдата, укушеннаго за щеку, — «крѣпко подружился! извольте посмотрѣть, еще Зайцовъ поцѣлуй утираетъ.»

У одного молодого солдата ружье было перебито ударомъ огромнаго лезгинскаго кинжала. Уже кинжалъ блеснулъ надъ головою обезоруженнаго, какъ подоспѣлъ къ нему унтеръ-офицеръ Линійнаго баталіона, Андрей Савельевъ. «Не дремать», закричалъ онъ солдату, и Лезгинъ съ раздробленною головою свалился со стѣны. Солдатъ взялъ другое ружье

отъ ранскаго товарища и закололъ новаго противника; но пронзенный горецъ оцѣпивъшими руками схватилъ ружье. «Толкни его»—закричалъ унтеръ-офицеръ; солдатъ исполнилъ приказаніе; но горецъ, падая въ ровъ, увлекъ съ собою его ружье. «Молокосось», сказалъ ему унтеръ-офицеръ, «тебѣ на каждаго Татарина надобно по ружью. Въдѣ ружье казенное!»

Въ столь критическую минуту, Полковникъ Ротъ, хотя сильно страдалъ отъ ранъ, не могъ вытерпѣть, чтобы не взглянуть на то, что происходило. Съ трудомъ всталъ онъ съ постели; потомъ съ помощью рядоваго пошелъ къ ближайшему отъ него бастіону, именно къ тому, который былъ порученъ храбрымъ Мингрельцамъ. Въ это время егеря отбивали послѣдній на этотъ бастіонъ штурмъ. Полковникъ рассказывалъ, что не могъ не полюбоваться, когда увидѣлъ, какъ егеря доканчивали свою славную работу.—Между ими стоялъ, какъ-будто для отдыха, высокаго роста фельдфебель Михальченко, облокотясь на ружье и — смѣялся. Изумленный Полковникъ, подойдя къ нему, спросилъ: «что ты, братецъ, смѣешься?» Молодецкій былъ отвѣтъ: «Какъ же, Ваше Высокоблагородіе, не смѣяться, извольте видѣть, какъ наши егеря ихъ колютъ!»

Три часа продолжался жестокий рукопашный бой; наконецъ, непріятель, утомленный продолжительнымъ напраснымъ успіемъ, и притомъ опасаясь новыхъ

потерь, стали отступать по трупамъ своихъ товарищей. Ихъ трупамъ заваленъ былъ ровъ, усѣяна вся покатость гласиса, покрыто все пространство между Самуромъ и стѣнами укрѣпленія. У насъ, во время штурма, убитъ Поручикъ Щекинъ, раненъ Капитанъ Новоселовъ и Капитанъ Тизенгаузенъ изувѣченъ 6-ю ранами.

Отступление непріятеля дало время гарнизону собраться съ силами; но его положеніе дѣлалось съ каждымъ часомъ безотраднѣе. «Мы уже не узнавали другъ друга!» говорили солдаты. Постоянные труды, напряженіе силъ моральныхъ и физическихъ, бессонныя ночи, недостатокъ воды и горячей пищи, до того изнурили храбрыхъ защитниковъ, что жаль и страшно было смотрѣть на нихъ: глаза ихъ впали и глядѣли мутно, лица опалены были порохомъ, а у многихъ въ крови. Самый воздухъ уже зараженъ былъ гніеніемъ не погребенныхъ тѣлъ, и, къ довершенію всѣхъ бѣдствій, въ ночи на 21-е Сентября, отъ непрестанной пальбы, на стѣнахъ загорѣлись кули, наваленныя рядами; тушпть ихъ было нѣтъ, и они бы непременно сгорѣли, раздуваемые вѣтромъ, еслибъ само Небо не сжалилось надъ осажденными.

Черныя тучи покрывали долину; темна была ночь. Ломы и кирки стучали за стѣнами, какъ доказательство, что непріятель еще бодрствуетъ.

На стѣнахъ свѣтилась огненная полоса. Прогорѣвшіе кули свалились въ ровъ и открыли 4-й бастіонъ. Мюриды загикали и солдаты засуетились; но офицеръ Мингрельскаго полка Ищенко остановилъ команду. «Къ ружью!» закричалъ онъ; «ребята, у насъ есть еще штыки!»

«И, хвала Богу!» прибавилъ Линѣйнаго баталіона унтеръ-офицеръ Егоровъ: «еще въ казармѣ не погасла свѣча передъ образомъ.»

Солдаты перекрестились.

Егоровъ посмотрѣлъ на черное небо; нѣсколько дождевыхъ капель пало изъ тучи. «Молитесь, братцы», сказалъ онъ, и въ это время зашумѣлъ сильный дождь; огни погасли, Мюриды смолкли.

Наступало утро; дождь не переставалъ идти; гарнизонъ былъ радъ ему, какъ свѣтлому празднику; вся возможная посуда была поставлена подъ жолобы крышъ. Въ этотъ день солдаты варили кашу на дождевой водѣ. Между тѣмъ непріятель, готовясь къ новому приступу, траншейными работами прикрывалъ новую мину, которую велъ подъ 5-ю батарею, и безъ того уже разрушенную взрывомъ пороховаго погреба.

Гарнизонъ, приготовляясь встрѣтить новый штурмъ, быть можетъ, грозѣе перваго, опять далъ клятву

держаться до послѣдней крайности, и, если нужно будетъ—всѣмъ погибнуть! Вдругъ, въ первомъ часу дня, непріятельскія массы начали поспѣшно отступать и потянулись на дорогу въ Харзы. Осажденные не знали чему приписать такое странное, неожиданное движеніе непріятеля. . . . Но время перейти къ развязкѣ этого разсказа и объяснить, куда дѣвался Князь Аргутинскій-Долгорукій съ своимъ отрядомъ.

Аргутинскій зналъ откуда лучше кинуться на хищниковъ и обратить ихъ въ бѣгство; онъ ушелъ за вѣрной побѣдой и пришелъ къ защитникамъ укрѣпленія не только съ помощію, но и съ вѣстью торжественнаго избавленія.

Удивляешься не столько удачамъ Князя Аргутинскаго-Долгорукаго въ дѣлахъ войны, давно ему знакомой, сколько вѣрности его соображеній, непроницаемыхъ ни для друга, ни для недруга.

Подойдя въ первый разъ, 18-го Сентября, къ укрѣпленію, Аргутинскій ободрилъ гарнизонъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ скоро увидѣлъ, что перейти безъ моста, въ этомъ пунктѣ, чрезъ Самуръ, было невозможно; оставаться на противоположномъ берегу было бы бесполезно для осажденныхъ и крайне опасно для его отряда, по невозможности сообщенія и недостатка въ провіантѣ.

Нужно было сдѣлать движеніе, дабы: *во-первыхъ*—успокоить еще покорныя намъ деревни; *во-вторыхъ*—отрѣзать непріятелю всякое съ нами сообщеніе, и, наконецъ, найти удобное мѣсто, чтобъ переправиться чрезъ Самуръ въ-бродъ.

Вотъ почему вдругъ, ночью на 20-е Сентября, въ лагерь Князя Аргутинскаго-Долгорукаго, войска получили приказаніе немедленно убирать палатки, выючить лошадей и идти въ походъ по другому направленію. Не скроемъ, что такое приказаніе пришлось многимъ не по-сердцу; ненастная ночь и жажда какъ можно скорѣе сразиться за своихъ осажденныхъ товарищей, не согласовались съ такимъ неожиданнымъ приказаніемъ. Но если внутренно и роптали нѣкоторые, то дисциплина—вѣрный залогъ успѣха, вторая совѣсть Русскаго солдата, заставила каждого безпрекословно повиноваться волѣ начальника, который своими благоразумными распоряженіями и успѣхами уже давно пріобрѣлъ неограниченную довѣренность подчиненныхъ ему войскъ.

Между тѣмъ Князь Аргутинскій, опасаясь удаленіемъ своимъ произвести волненіе въ умахъ Кюринцевъ, подстрекаемыхъ Шамилемъ къ возстанію, отправилъ Правителя Кюринскаго Ханства, Полковника Юсуфъ-Бека, съ милиціей, защищать его владѣнія, а самъ, съ 9-ю баталіонами, 10-ю орудіями и кавалеріей, перешелъ ночью два хребта горъ, и 21-го Сен-

тября, найдя бродъ чрезъ Самуръ, переправился и расположился близъ аула Харзы, у Зухула. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе о бывшемъ штурмѣ Ахтынскаго укрѣпленія и немедленно двинулся къ Ахтамъ.

Между ауломъ Мискинджи и бывшимъ Тифлискимъ укрѣпленіемъ, дорога круто поднимается на гору и представляетъ для непріятеля спльную позицію. Даніель-Бекъ и Хаджи-Мурадъ, получивъ извѣстіе о вторичномъ приближеніи Князя Аргутинскаго, посѣпшили занять эту позицію, и, въ надеждѣ не допустить отрядъ до Ахтъ, укрѣпили гору завалами въ нѣсколько ярусовъ. Правый флангъ непріятеля упирался въ отвѣсный хребетъ, обходимый только на разстояніе 10-ти верстъ, а лѣвый — оканчивался крутымъ обрывомъ береговой скалы Самура. На этомъ пространствѣ, непріятелей столпилось отъ пяти до семи тысячъ.

Въ-полдень наши войска сосредоточились. Надъ Самуромъ была поставлена батарея изъ 4-хъ орудій и 10-ти ракетныхъ станковъ, подъ командою Полковника Годлевскаго, и начала обстрѣливать во флангъ непріятельскую позицію. Кавалерія, переправившись за Самуръ, стала заходить въ тылъ, а 1, 2 и 3-й баталіоны Князя Варшавскаго полка, поддерживаемые 2-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, подъ командою Полковника Манюкина, двинулись съ фронта на штурмъ, и — началась атака. Съ горы покатились

огромные камни, сбрасываемые Мюридами, и такова была сила ихъ паденія, что, встрѣтивъ препятствіе, нѣкоторые изъ нихъ перелетали чрезъ нашъ фронтъ и падали сзади. Но, не смотря на градъ камней и пуль, баталіоны шли безъ выстрѣла и въ колоннахъ поднимались на гору. Подполковникъ Кишпінскій повелъ 2-й баталіонъ на необыкновенно крутую вершину, увѣчанную сильнымъ заваломъ, составлявшимъ ключъ позиціи, и подошелъ такъ близко, что Мюриды, изумленные неустрашимостію нашихъ войскъ, вдругъ перестали стрѣлять и потомъ ударили въ шашки. Баталіонъ, имѣя впереди храбраго своего начальника, мгновенно овладѣлъ заваломъ.

Между тѣмъ, Маіоръ Алтуховъ съ своимъ 3-мъ баталіономъ смѣло и успѣшно атаковалъ лѣвый флангъ позиціи надъ самой крутизной Самура, а Подполковникъ Пироговъ съ 1-мъ баталіономъ шелъ на центръ позиціи и, не останавливаясь ни разу, до конца выдержалъ самый сильный огонь съ обонхъ фланговъ.

Атака произведена была съ такой изумительной быстротой, что непріятель, не смотря на свою многочисленность, дрогнулъ и побѣжалъ. Кавалерія, подъ начальствомъ Полковника Джафаръ-Кули-Ага-Бакиханова, переправясь чрезъ Самуръ, атаковала во флангъ бѣгущихъ и положила конецъ короткому, но блистательному сраженію. Оно продолжалось не болѣе часа.

На мѣстѣ боя осталось слишкомъ 300 непріятельскихъ тѣлъ, 3 значка и взято въ плѣнъ 70 человекъ.

За перевалами горъ не слыхать было Ахтынскому гарнизону пушечныхъ выстрѣловъ, которыми Князь Аргутинскій-Долгорукій такъ не далеко громиль обшихъ непріятелей; въ укрѣпленіи не ждали его отряда со стороны аула Мискинджи, и потому не могли не удивиться внезапному бѣгству непріятелей. Исчезъ тотъ самый зловѣщій намѣтъ, который такъ недавно еще мелькалъ на одномъ изъ окрестныхъ кургановъ. Шамиль, хотя еще наканунѣ обѣщаль завлеченнымъ имъ несчастнымъ жителямъ, что ни въ какомъ случаѣ уже ихъ не оставитъ, бѣжалъ одинъ изъ первыхъ; за нимъ толпы Мюридовъ бѣжали до самаго вечера. Наконецъ, на краю долины, показалась Русская конница, и съ восторженными криками: ура! шапки солдатъ, столпившихся на стѣнахъ, полетѣли на воздухъ; крѣпостныя ворота растворились дорогимъ гостямъ. Каждый изъ глубины души вознесъ молитву благодарности къ Господу силъ, молитву теплую и святую, потому что каждый изъ геройскихъ защитниковъ могъ, положи руку на сердце, смѣло сказать, что исполнилъ свой священный долгъ предъ отечествомъ и Батюшкою-ГОСУДАРЕМЪ.

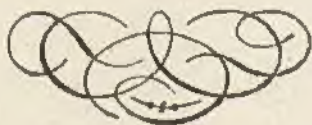
Во время осады укрѣпленія «Ахты»,
со стороны гарнизона:

У Б И Т О :

Грузинскаго Линѣйнаго баталіона № 6-го:
Штабсъ-Капитанъ Байдаковъ.
Поручикъ Щекинъ.
Вообще нижнихъ чиновъ. . . . 90.

Р А Н Е Н О :

Состоящій по Кавалеріи Полковникъ Ротъ.
——— — Арміи Капитанъ Жоржъ.
Пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка :
Капитанъ Новоселовъ.
——— Тизенгаузенъ.
Прапорщикъ Бенетъ.
——— Семеновъ.
Грузинскаго Линѣйнаго баталіона № 6-го:
Маіоръ Старосилъ.
Подпоручикъ Богуславскій.
——— Коржевъ.
Гарнизонной Артиллеріи Прапорщикъ Чуприковъ.
Вообще нижнихъ чиновъ. . . . 142.

Miner

2007044017